

Алексей Евтушенко

Мальчик и облака

Алексей Евтушенко

Мальчик и облака

«Автор»

Евтушенко А. А.

Мальчик и облака / А. А. Евтушенко — «Автор»,

© Евтушенко А. А.

© Автор

Алексей Евтушенко

Мальчик и облака

Кровать мальчика стояла у самого окна – так, что в положении полулежа, опираясь плечами на высокие подушки, он мог видеть сад и голубятню во дворе дома с красной черепичной крышей сразу за садом. Крышу он тоже видел, и больше всего ему в ней нравилась высокая каминная труба с квадратным солидным оголовком, как будто нарисованная искусным художником-иллюстратором толстого романа про любовь, одиночество и загадочное убийство в старинном родовом поместье.

Еще сразу за садом, голубятней и черепичной крышей с трубой мальчик видел пологие склоны холмов. У мальчика было отличное зрение (такие глаза, как у тебя, мон ами, не раз повторял ему врач, одни на миллион, а может, по нашим временам, и одни на два миллиона) – весной он различал в густой терпкой зелени травы на холмах яркие россыпи луговых цветов и несколько раз видел кажущуюся совсем крохотной на таком расстоянии девичью фигурку.

Девушка собирала цветы, и мальчику хотелось думать, что она обитает в доме с черепичной крышей и старой голубятней во дворе – здесь, рядом, стоит лишь пройти через сад, отворить калитку в ограде...

Впрочем, он знал, что на самом деле в доме с черепичной крышей и высокой каминной трубой нет никакой девочки или девушки, а занимает его врач, Сергей Борисович, с женой и старенькой мамой. У Сергея Борисовича были дети – два сына. Оба уже взрослые. Один работал в Москве, кажется, инженером-строителем, а второй был летчиком-космонавтом и сейчас находился в своей первой экспедиции на космической станции «Алтай», почти в четырехстах километрах над Землей, и Сергей Борисович очень за него волновался, хотя и старался не показывать вида.

Да. Сад, голубятня, черепичная двускатная крыша с трубой и холмы. Но главное, что было доступно взору мальчика, – это небо. Небо и облака.

Мальчик не всегда имел возможность полулежать, опираясь плечами на высокие подушки, в своей широкой и удобной, но за два года ставшей ненавистной кровати. Иногда, и за последние несколько месяцев это повторялось все чаще и чаще, ему приходилось просто лежать на спине, подключенным при помощи тонких шлангов и проводов к громоздкой и сложной, перемигивающейся десятками разноцветных огоньков аппаратуре. В таком положении он проводил длинные неподвижные часы, и тогда единственным доступным занятием для него становились воспоминания, размышления, мечты, сон и, конечно, созерцание неба и облаков.

Если учесть, что все свои воспоминания, вплоть до самых мельчайших и незначительных, он давно и не по одному разу перебрал, особой глубины и широты размышлениям, в силу невеликого возраста, предаваться не мог, мечты изрядно поднадоели, а сны не могли длиться вечно, то небо с облаками стали для мальчика практически единственной сутью, которая, постоянно изменяясь сама, не изменяла ему никогда.

Небо тут было удивительное. Мальчик родился в степях на юге, где днем небо плоское и белесое от жары и только ночью, когда бесчисленные звезды, шевеля длинными лучами, заполняют его от края и до края, видно, какое оно на самом деле бездонное и громадное. Здесь же, ближе к северу, именно днем небо приобретало многоярусность и хрустальную прозрачность, а облака, плывущие в нем, подобно исполинским неведомым существам, были таких удивительных форм и оттенков в разное время суток, что мальчик никогда не уставал наблюдать за их загадочным движением.

Смотреть на облака – это было как читать книги. С какого-то времени читать книги, даже самые любимые, стало трудно – быстро уставала и начинала болеть голова, наливалась свинцовой противной тяжестью, избавиться от которой мог помочь лишь сон. Но часто спать у мальчика не получалось, а занять себя было необходимо, и поэтому он нашел еще одно средство, которое позволяло ему хотя бы на время ощущать себя здоровым и свободным – наблюдать за облаками.

Иногда облака походили друг на друга, но тем не менее все равно были разными, как, например, различны между собой лошади или дельфины – на первый взгляд, кажется, одинаковые, а присмотришься и видишь, что у каждого своя стать и облик. А иногда, особенно при северном ветре, они принимали совсем уж причудливые формы и образы, и мальчик, отдавшись воображению, лепил из них вместе с ветром и солнцем именно то, что ему хотелось увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.